

12+

А. КОСАРЕВ

ГОЛОД

МЫ ВЛЮБЛЯЕМСЯ
НЕ В ЛЮДЕЙ,
А В ТО, ЧТО
ЧЕРЕЗ НИХ
ХОТИМ ПОЛУЧИТЬ

Анатолий Косарев
Голод. Мы влюбляемся
не в людей, а в то, что
через них хотим получить

<https://litres.ru/74156639>

ISBN 9785007030397

Аннотация

Красота почти всегда обещает больше, чем способна дать.
Голод — никогда.

После случайного знакомства в клубе студентка Наталья начинает верить, что наконец приблизилась к той жизни, о которой мечтала: без общежития, бедности и страха снова оказаться «лишней». Но один холодный вечер постепенно разрушает красивую иллюзию и заставляет увидеть оборотную сторону собственных надежд.

«Голод» — психологический рассказ о том, как легко перепутать любовь с желанием быть спасённым.

Содержание

Голод	5
I. Поручень	6
II. Охота	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Голод
Мы влюбляемся не в
людей, а в то, что через
них хотим получить

Анатолий Косарев

© Анатолий Косарев, 2026

ISBN 978-5-0070-3039-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Голод

*Рассказ о том, что мы принимаем за любовь,
когда просто очень голодны*

Мы не влюбляемся в людей.

Мы влюбляемся в то, что через них хотим получить.

Старушка в трамвае

Красота лжёт. Голод — никогда.

I. Поручень

Трамвай входил в поворот тяжело, с протяжным металлическим скрипом — словно не железо гнулось, а сама дорога сопротивлялась его движению. Внутри было тепло, густо, пахло не свежей одеждой, дешёвыми духами и чем-то жареным, принесённым с улицы. Этот запах — запах конца рабочего дня, запах усталых, голодных людей — висел под потолком, как всегда, как будто никуда и не уходил.

Наталья, эта двадцатилетняя античная красавица, стояла неподвижно, мертвенно вцепившись в поручень, и только судорожное движение пальцев, безжалостно мнявших дорожную кружевную оборку блузки, выдавало её расстройство; её обычно спокойный, остеклённый взгляд теперь был устремлён в одну точку с тем выражением холодного отчаяния, которое бывает лишь у людей, привыкших скрывать свою душу от мира.

Стояла так, как стоят люди, которые не хотят занимать места — чуть сдвинув плечи, чуть поджав локти, будто извиняясь за своё существование в этом пространстве. Куртка сидела аккуратно, с той намеренной аккуратностью, которая видна сразу: не надела — оделась. Волосы уложены, и укладка эта была видна именно сейчас, к вечеру, когда прядь уже выбивалась из-за правого уха, а Наталья всё равно бережно поправляла её — машинально, одним и тем же движением,

снова и снова. Как поправляют что-то, к чему долго готовились. Что-то, что не должно было разрушиться.

Она выглядела хорошо. Слишком хорошо для этого трамвая, для этого часа, для этих усталых лиц вокруг.

Пальцы, обхватившие поручень, были чуть холодны — холоднее, чем должны быть внутри тёплого вагона. Иногда она сжимала их сильнее, на секунду, почти незаметно — словно проверяла: здесь ли она, не сон ли это, не придумала ли весь этот вечер, весь этот день, всё, что предшествовало этому трамваю. Если бы кто-то смотрел на неё внимательно, то увидел бы: под всей этой аккуратностью, под уложенными волосами и ровной осанкой в ней была не надменность и не гордость — а усталость. И что-то ещё, более глубокое: то детское, не до конца прожитое ожидание, которое не умеет ещё принимать отказы.

Она знала, что выглядит хорошо. Даже сейчас.

И это знание было почти единственным, за что она сейчас держалась — наравне с поручнем.

II. Охота

Рядом, у соседнего поручня, стояла Лена — девчонка из общежития. Наталья заметила её не сразу.

— Да мы вчера... — начала она, и голос прозвучал громче, чем рассчитывала — на полтона выше, с той искусственной лёгкостью, которая бывает у людей, когда история, которую они собираются рассказать, ещё болит, но они уже решили, что будут смеяться над ней.

— В клуб пошли с девчонками, общежитскими...

И вдруг — совсем некстати, совсем не вовремя — перед глазами всплыло лицо бабы Гали.

Вахтёрша. Сухая, маленькая, с прищуром, от которого хотелось поправить одежду и выпрямиться. Она сидела за своей стойкой, как всегда — как будто весь мир проходил мимо неё, и она давно составила о нём окончательное мнение.

— Ну что, — сказала она тогда, провожая толпу девушек взглядом, — на охоту пошла стая пираньей... берегитесь, мужики.

Девчонки засмеялись — громко, дерзко, как смеются те, кто уверен, что самое главное ещё впереди.

— И чтоб после одиннадцати... никого не пущу! Хоть стучите, хоть плачьте!

Наталья тогда махнула рукой — легко, почти великодушно.

Не придётся возвращаться.

Именно так. Не «мы вернёмся» — а «не придётся». Потому что она придумала уже, как всё будет дальше, и в этом придуманном «не придётся» было всё: и ресторан, и его квартира, и утро — совсем другое утро, не в общежитии, не на железной кровати под чужим одеялом.

Сейчас, в трамвае, она вспомнила это — и что-то холодное, острое прошло внутри. Как сквозняк через плохо закрытое окно.

— В клуб пошли... — повторила она — уже тише, уже для Лены.

Лена, стояла рядом — невысокая, с быстрыми глазами и той непринуждённостью, которая бывает у людей, никогда не строивших слишком далёких планов. Училась только для того, чтобы получить специальность. Подработала, где придётся, перебивалась, не унывала. Она жила как-то горизонтально, без особых высот и без особых пропастей, и это качество, которое Наталья раньше называла про себя ограниченностью, сейчас — прямо сейчас, в этом трамвае — почему-то казалось ей завидным.

Лена подалась вперёд — как всегда, когда чуяла историю. Она любила собирать любую информацию о подружках, поэтому в общежитии говорили, что она знает всё о всех.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.